

Елена СОЙНИ
г. Петрозаводск

Выход из печати «Калевалы» в переводе Леонида Бельского (М., Изд. М. и С. Сабашниковых. 1915, первое издание – СПб., 1888) совпал по времени с расцветом русского футуризма.

Поэты **Григорий Петников, Сергей Городецкий, Лирнард Лайцен, Сергей Алымов, Николай Асеев, Велимир Хлебников и Елена Гуро** почувствовали в «Калевале» много близкого своему мироощущению. И не только поэты-футуристы. В библиотеке Александра Блока хранится «Калевала» с пометками поэта, Валерий Брюсов хотел на основании леннротовской создать свою небольшую «Калевалу» и включить ее в «Сны человечества» – «лирические отражения всемирной истории», наряду с «отражениями» истории Египта, Индии, Греции и т.д. Брюсов хотел не переводить, а именно «...давать подражания, которые... концентрировали бы все основные черты поэзии данного времени и данной страны в одном произведении» («Объяснение автора к «Снам человечества»»). «Калевалу» предполагалось поместить во вторую часть вместе с песнями «Эдды». Этому замыслу не суждено было осуществиться. «Брюсов не успел подготовить даже и десятой части стихотворений», – пишет А. А. Козловский. Но «Кале-

вала» все-таки вдохновила поэта, и в стихах из цикла «На Сайме» Брюсов показывает свое знание финской мифологии:

*И сердце не верит в стране тишины,
Что здесь, над чертогами Ато,
Звенели мечи и вожжи старины
За Сампо рубились когда-то.*

Но для поэтов русского авангарда «Калевала» была одним из духовных столпов, одним из примеров, своеобразной моделью творчества. Авангард – это движение от я к мы, от индивидуальному к коллективному.

«Мозг земли не может быть только великорусским», – пишет Хлебников в 1913 году и наряду с интересом к космогонии Востока и славянскому язычеству погружается в стихию «Калевалы» и финского фольклора, что дает повод исследователям говорить о близости «Калевалы» поэту. В стихотворениях: «Вы помните о городе...» (1909), «Усадьба

* Публикация подготовлена при поддержке РФНФ, проект №13-04-0266 «Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века».

ночью...» (1915), «Вечер, он черный...» (1915), частично в поэме «Жуть лесная» заметен след Финляндии. Даже название Москвы Хлебников связывает с прибалтийско-финским происхождением¹:

*Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух
И взятый из языка старинной чуди.
Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской
(есть много неги в сельском имени),
Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названьи чужой народ.*

Пастушеская тематика существует в фольклоре почти у всех народов, но когда Хлебников пишет о «старинной чуди», о пастухе, принадлежащем народу чужому, то возникает явная параллель с образом Куллерво и с одной из важнейших, сюжетобразующих линий «Калевалы». Хлебников идеализирует древность, ему ближе, роднее звуку пастушеской свирели, чем грохот города, в котором погас «дружбы пепел»:

*Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.*

В 1915 году, живя в Куоккале, Велимир Хлебников пишет стихотворение «Вечер, он черный, он призрак...», в котором оживают образы «Калевалы». Они органично включены в художественное сознание поэта, калевальский сюжет становится сюжетом лирических героев, современность меняется местами с архаической древностью, а образы XX века вплетаются в миф. Но, как справедливо пишет Н.Л.Степанов, «поэт не становится интерпретатором фольклорных сказаний, подобно Лонгфелло или Леннроту. Пользуясь структурными принципами фольклора, он создавал свои собственные мифологемы»:

*[И спрячусь в сказаньях] из книг.
И бодро воскликну я: в час твой,
Охотница, строгая, белая, здравствуй!
Пусть здравствует, трепет неся, тетива,
Где скачка за лосем еще не наскучила,
И эта охота, где тетерева
Летят на неумное чучело.*

Охоте за лосем в «Калевале» посвящены тринадцатая и четырнадцатая руны. Эта охота долгая, почти безуспешная:

*Велимир
Хлебников*

*Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.*

Лемминкяйнену в охоте помогают заклинания, мастерское пение, владение магией слов:

*На опушке пел он песни,
Пел внутри трех роц зеленых,
Он склонил хозяйку леса
И хозяина лесного.*

Хлебников, используя калевальскую модель, дает «все понимающему» лирическому герою именно силу слов:

*Я все пойму и облеку
В слов тихоструйных покрывало.*

Вяйнямейнен у Хлебникова в «Вечере...» назван Майневайнен. На ошибочное написание имени главного героя «Калевалы» Н. Харджиев обратил внимание в комментариях к стихотворениям поэта. Хотя не исключена и другая версия. Под Майневайненом (у Хлебникова) может подразумевать-

¹ В современном языковедении отдается предпочтение теории не прибалтийско-финского, а древнебалтского происхождения топонима, связанного с названием дождливого ветра, близкого к слову «промозглый». В.Н.Топоров возводит гидроним к древним балтийским формам «Mask-(u)va», «Mazg-(u)va» («топкая» или «извилистая» (река)). (Р.А. Агеева. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985).

ся фольклорный Маневайнен (Манавайнен, Мана-лайнен), житель загробного мира, подземного мира Мана (Mana, Tuoni). Хотя контекст стихотворения, аллюзии на темы пения и связь героя с морем (как известно, Вяйнямейнен и происходит из моря, и создает море) указывают, что хлебниковский Майневайнен – действительно Вяйнямейнен:

*Майневайнен, вновь облей
[Хмелем] моря камней слизни,
Громче Плевичкой приг<оршней> рублей
В пену прекрасную брызни!*

Поэт изобретает неологизм, называет Финляндию Финностан, а себя отождествляет с поющим калевальским героем. Однако охотник на лося в его стихотворении – женщина (стихотворение посвящено В.А. Будберг). В северный ландшафт вписывается образ римской богини плодородия охотницы Дианы, соответствующей греческой Артемиде, и калевальская мифология соединяется с мифологией античной:

*И люди спросят: где Диана?
Я слышу верно иль ослышка?
Вы на поморье Финностана?
Тетивой своей звучащей,
Очарованная чащей,
Белый путь держа на север,
Рядом с вами ваши гончие,
Вместе с вами силы все вер
Просят нас, чтоб пел позвонче я!*

В 1915 году в стихотворении Хлебникова «Усадьба ночью...» появляется образ девушки-лососа. Дева-рыба – один из древнейших первообразов, часто встречающийся в финских и карельских эпических песнях. У Хлебникова он появляется почти случайно, герою стихотворения во сне является девушка-лосось:

*Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.
Мне снилась девушка-лосось
В волнах ночного водопада.*

В стихотворении прослеживается мотив превращения в рыбу девушки, бросившейся в воду, характерный для финских и карельских эпических песен. По мнению современных фольклористов, «сквозь поэтический слой здесь отчетливо проглядывает древнейшая, мифологическая, обусловленная тотемистическими представлениями основа». В ленинградской «Калевале» с девушкой-лососем, как

известно, связан мотив неудачного сватовства Вяйнямейнена в руках четвертой и пятой:

*Быстро выскочила семга,
В море бросилась рыбка,
<...>
Говорит слова такие:
«Для того я выходила,
Чтобы курочкой спокойной
На руки твои садиться,
Быть всю жизнь твоей женою».*

Как пишет Н.А.Криничная, «антропоморфная сущность девы-рыбы маркирована преимущественно ее умением говорить, а также возможными, хотя и оставшимися нереализованными функциями: она выходит из воды, чтобы выйти замуж за поймавшего ее рыбака». Мотив брачных отношений человека и зооморфного персонажа, по мнению исследовательницы, «доказывает невыделенность человека из мира природы». Если образ девушки-лососа восходит к финскому и карельскому фольклору, то образы хлебниковских русалок из стихотворения «Ночь в Галиции», людей-рыб связаны и с русской сказочной традицией:

*Я рыбою бьюся в их вершах,
Русалка нездешней воды.
(«Зангези», 1922)*

*Звезды – невод, рыбы – мы...
(«Годы, люди и народы», 1915)*

В целом мотив отождествления человека с рыбой универсален для народов, живущих на берегах морей и рек.

Если у В. Хлебникова море – это море вообще, озеро – просто озеро, «...солнце – звук, а земля – понятие...», то Григорий Петников, брат Хлебникова по футуризму, в «Финских стихах», посвященных Елене Гуро, конкретизирует северный пейзаж, вспоминая героев «Калевалы», употребляет местные названия озер и даже лодок:

*И рыб мелькающие плавни
Плывут по серой Ретти-ярви,
И голубой засвечен пламень
Сосны задумчивой громадой.
В озер серебряную начернь
Влетают золотые ёлы,
И подвиг трудовой уж начат
В седых владениях Похьёлы.
(1915)*

Сергей Городецкий

У Сергея Городецкого, часто бывавшего в Куоккале и слышавшего финскую речь, имена собственные (с некоторыми ошибками) включены в стихи о финском озере: Юхано, Гильда, Айно, Маэстина. Названа по кличке даже собака:

*Долетел до лодки хриплый с берегов собачий лай:
Лаёт Вахти, сторож Айны.
Ну-ка, сердце, вспоминай...*

Г. Петников и С. Городецкий принадлежали к разным литературным группам. Г. Петников руководил издательством «Лирень», объединявшим футуристов. С. Городецкий, активный участник «Цеха поэтов», был в некоторой степени идеологом акмеизма. Но, обращаясь к финской теме, оба поэта обнаруживают удивительное эстетическое родство. «Юхано» С. Городецкого и «Финские стихи» Г. Петникова – это поэтическое описание воды, лодок, рыбаков и вообще людей на лодках. Но у С. Городецкого Юхано едет просто на лодке:

*Коренастый, низколобый, преисполнен тучных сил,
Едет Юхано на лодке, едет тихо, загрустил...*

А у Г. Петникова Вяйнямейнен едет на «лодке песен»:

*И мрак тяжелый побеждая,
Твой добрый, светлый Вяйнямейнен
На лодке песен выезжает...*

Григорий Петников

Юхано у Городецкого и Вяйнямейнен у Петникова подтверждают восприятие русскими национального образа финна как рыбака. С легкой руки А. Пушкина образ одинокого «финского рыболова, печального пасынка природы» остался жить в сознании русских поэтов. Но любопытно, что и в сознании финнов русские воспринимались порой не как земледельцы, а как рыбаки. Подтверждением этому служат путевые заметки Элиаса Леннрота, удивлявшегося обычаю русских крестьян рыбачить с апреля по август и «ради ничтожных заработков поступаться самым надежным источником крестьянского дохода – земледелием».

Финляндия в творчестве Елены Генриховны Гуро – это исключительно воздух, лес, море, озера. Пейзаж Карельского перешейка, воспеваемый Е. Гуро, – это гармония звука, цвета и души. Очень точно подметила исследовательница творчества Елены Гуро Н. Башмакова: поэтесса «чуть не программно приводит природу в состояние оморализованное, бытийное, она буквально вводит дух в природу... В тайны Финляндии Гуро проникла изнутри: бродя, наблюдая, фиксируя на ходу свои впечатления, вдыхая в себя финский воздух, она «выдыхала» его культурой».

Звукопись Е. Гуро в стихотворении «Финляндия» – это не просто дань футуризму, хотя Гуро – последовательный поэт-футурист, это восприятие финской природы в тончайших звуковых, музыкальных, душевных нюансах:

*Это ли? Нет ли?
Хвои шуют, – шуют
Анна-Мария, Лиза, – нет?
Это ли? – Озеро ли?*

Стихотворение «Финляндия», дающее представление и о природе, и о финской речи – дифтонгах, долгих гласных и согласных звуках, двойных именах, приветствиях, – не единственное в русской поэзии. Оно обратило на себя внимание футуристов, которые боготворили поэтессу, религиозного философа Павла Флоренского, считавшего стихотворение Е. Гуро убедительным. В «Антиномии языка» П. Флоренский писал, что «конечно, хвои «шуют», ... звук их непрерывен, а шуметь может только прерывистый, прерывающийся колебаниями звук листьев: м в слове «шум» – есть задержка и разрыв звука. В словах, даже поверхностно разбираемых, часто находится сторона звукоподражательная; тут же она усиливается или дифференцируется».

Все, к чему бы ни прикасался взгляд Е. Гуро, преображалось в ее стихах-притчах. У нее финляндский домик поет, «у этого домика лесные мысли», а «в деревья вселяются души гораздо более высокие, чем души людей».

Е. Гуро наполнила финский пейзаж своей душевностью, культурой и радостью. Чувство материнства нераздельно в ее поэзии с чувством родины, а образ родины неразрывно связан с Севером. В стихотворении «Финская мелодия», посвященном финскому рунопевцу Паси Яскеляйнену, «песнь родины» раздается в вышине, над бытом, над разнараженной толпой:

*Над нами, фрачными,
корсетными, крахмальными,
ты запел песню родины.
Ты из нас, фрачных, корсетных,
выманил воздух морозной родины.*

«Воздух морозной родины» – то, ради чего поет певец, во что превращается песнь. Озеро, облака, лес для поэтессы неизмеримо выше достижений культуры.

Как это ни покажется фантастическим, Е. Гуро конечной целью творчества видит созидание живой природы, сотворение:

*Вот из красного уха мужчины
вышло облако и часть леса,
а женщина выпустила из головы сосны,
а я дорогу и парня в валенках.*

Елена Гуро

У Е. Гуро образы родины, матери, земли неразрывно связаны, и связывает их в единый ряд чувство пути (хорошо знакомое русским поэтам конца XIX – начала XX века). Певец у Е. Гуро – путник. На его дороге камни и сосны. И эта дорога поет:

*Эх-на! Родная земля поет,
Вот поет дорога.*

Путь лирической героини Е. Гуро по морю, в бурю. И как бы ни была сильна буря, обещан ветер попутный: «Дай Бог для тебя ветер попутный!»

В поэзии Е. Гуро путешествуют даже деревья: «Сосны Калевалы побережья, взмахнув, отъехали».

Попытка Елены Гуро «заговорить» на русском языке по-фински стала примером для Дмитрия Петровского и Ольги Розановой. Дмитрий Васильевич Петровский (1892–1955) – участник литературной группы «Леф», автор нескольких поэтических сборников и повестей о Велимире Хлебникове. К 1916 году относится его стихотворение «Рождественская песня» (Финская мелодия), посвященная мужу Елены Гуро Михаилу Матюшину.

*Шум шум Шур бревен; –
Окрест лег сойрей ветрами;
<...>
И долу
И дому – Идолу моему –
Ла!*

«Хвои шуют, шуют» из стихотворения Гуро «Финляндия» трансформируются в «Шум шум Шур бревен» Петровского, а хорейческая интонация и обыгрывание звонких согласных звуков «к», «л», «р» у Гуро продолжаются в Рождественской песне (финской мелодии) с использованием дифтонгов:

Койла, Койма, Холлига, ре!

Снег у Петровского назван «Сойрей», «дол» и «дом» преобразуются в «Идол мой». И этому идолу поэт говорит вместо русского «да» – финское знаковое сочетание «ла». (Этим слогом в ряде топонимов в прибалтийско-финских языках обозначается земля (Коуволла, Лоймойла, Хийтола). На «ла» заканчивается и родина фольклорных героев, давших название поэме, «Калевала» и царство загробного мира – Туонела, Манала. «Ла» у Гуро и Петровского различаются местоположением. Поэтесса вводит «ла» в начало второй строфы и делает строку центральной, усиливая значение словосочетания неоднократным его использованием. Петровский использует «ла» три раза. Дважды в словах и один раз в конце стихотворения в отдельной строке и, что немаловажно, с большой буквы и с восклицательным знаком. Конечно, Дмитрий Васильевич, называя стихотворение «песней», посвящая его композитору, музыканту Михаилу Матюшину, возможно, придавал «ла» и музыкальное значение. В этом слог у поэта музыкальный язык соединился с финским, и в результате родилась финская мелодия. Для сравнения заметим, что у В.Хлебникова в «Песнях звездного языка», вошедших в повесть «Зангези» (1922 г.), с «ла» связан обобщенный образ труда: «И Ла труда во время бега...», а в 1913-м слог «ла» звучит в «Песне ведьм» в стихотворении «Ночь в Галиции»: «Ла-ла сов! <...> Ла-ла соб».

В стихотворении «Вечера», 1918 года, посвященном Елене Гуро, Дмитрий Петровский использует излюбленные поэтессой вопросительные предложения. Дмитрий Петровский в «Вечерах» задает вопросы о лесе:

Лес очень – О-очень-шумит (в уме ль он?)...

И самому лесу:

*И умеют ли петь и летать (а шуметь) –
Головы ваши, ветки?..*

След «Финляндии» Елены Гуро обнаруживается и в стихах Ольги Розановой (1886–1918), известной прежде всего как художница. Стихи Розановой исключительно живописны, насыщены цветом, дина-

Линард Лайцен

микой красок. Испанская палитра, урбанистическая лексика, казалось, не оставляют места для «природного», «хвойного» в ее поэзии. Однако само построение стиха, лаконичные вопросы, частица «ли» обнаруживают в стихах традицию Елены Гуро:

*Сон ли то...
Люлька ли...*

Та же вода, рыба, озера – знаки Финляндии – в поэзии раннего Линарда Лайцена. Линард Лайцен (1883–1938) – латыш, переводчик «Калевалы» на латышский. Учась в 1913–1916 годах в Москве, Лайцен сблизился с Владимиром Маяковским и Великим Хлебниковым, а вернувшись в Латвию, стал издавать журнал «Левый фронт», выполнявший задачи журнала «Леф» в Латвии. Словом, Л. Лайцен принадлежит русскому авангарду в такой же мере, как и латышской литературе. Поэт левого направления, Лайцен после поражения революции 1905 года эмигрировал и два года провел в Финляндии.

Финляндия осталась в стихах Лайцена, вошедших в сборник «Пыл» 1907 года, и в замечательном романе «Эмигрант».

В стихотворении «Финка» Лайцен создает образ северянки, плывущей на лодке и играющей на кантеле:

*Кто воды волнует, кто машет так рьяно
Над озером крыльями весел,*

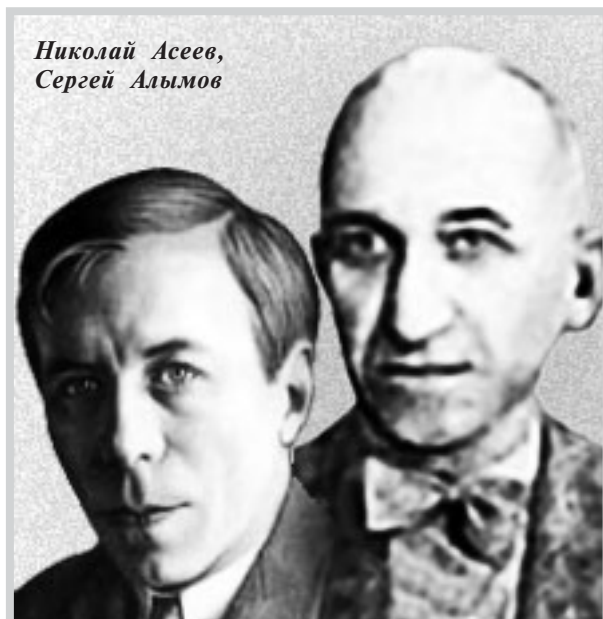
*Чьих гуслей звенящих натянуты струны,
Чей взгляд так пленительно весел?
О финка с серебряной сактой!*

Финская женщина напоминает поэту Айно, в стихотворении появляется аналогия, Лайцен сравнивает себя с Вяйнямейненом:

*Глаза твои в песнях, в легендах воспеты,
Но ты не обманешь, я знаю, не любишь.
Как некогда Вайно в Айно влюбленный,
Так денно и ночью томлюсь по тебе я...*

Интерес к финской культуре заметен уже по этому стихотворению 1907 года, позже этот интерес приведет поэта к переводу «Калевалы». И еще одним источником вдохновения в Финляндии станет для Лайцена финская живопись. Интерес поэта к живописи, к «Калевале», к финской природе – все это воплотится в образе Айно, в одном из центральных образов его романа. Айно из «Калевалы», Айно из триптиха А. Галлен-Каллела сольются с Айно в «Эмигранте»: «И он воссоединил ту, галленовскую, Айно со своей – явилась новая Айно, его собственная и в то же время национально финская».

Финляндия продолжала существовать в сознании поэта во время работы над его переводом «Калевалы». Л. Лайцен был в выгоднейшем положении среди других переводчиков, он знал язык и страну, менталитет народа и его историю. Одаренный литератор, с футуристическим прошлым (оказавшим большую услугу в работе над словом), Лайцен сделал добротный перевод. Со времени первого выхода (в 1924 году) он выдержал несколько переизданий и до сих пор остается базовым, образцовым переводом на латышский язык. Знание народной латышской поэзии с ее аллитерациями и фиксированным ударением в слове тоже было хорошим фундаментом для успешной работы переводчика: «В содержании рун «Калевалы» и наших дайн существует известное родство, – писал Лайцен в предисловии к своему переводу, – по характеру отраженных в них труда, эпохи, идей. Но если углубиться в мир «Калевалы», то становится ясно и то, что в прошлом финский и латышский народы были связаны гораздо больше, чем в настоящем. Велико не только сходство образа жизни и обычаев, но и орудий труда, посуды, сохранились до настоящего времени одинаковые названия некоторых предметов». В 1932 и 1935 годах поэт побывал в Карелии, познакомился с Ялмари Виртаненом, выступил с речью на финском языке на торжествах, посвященных столетию со дня первой публикации «Калевалы».

*Николай Асеев,
Сергей Алымов*

Как и Линард Лайцен, Сергей Яковлевич Алымов (1892–1948) был революционером. Сосланный в Сибирь в 1911 году, он бежал в Харбин, а с 1917 года жил во Владивостоке. Участник группы «Творчество», друг Николая Асеева и Давида Бурлюка, Алымов отозвался на «Калевалу» в стихотворении «Смена легенд». Вероятно, оно было создано после революции, поскольку в «Смене легенд» идет речь о «наших дней небывалом эпосе». В этом стихотворении также незаметно словотворчество, однако внутренние рифмы, аллитерации напоминают, что Сергей Алымов начинал как поэт-футурист и даже выступал вместе с Николаем Асеевым на концертах, которые Давид Бурлюк организовывал во Владивостоке:

*У карел была
Калевала –
Сказка нищих
о чудесах.
Ночевала она,
дневала
На болотах,
в глухих лесах.
Вечерами
стонали струны,
Выла волком
в снегах пурга,
И рассказывали
руны
О героях
и о богах.
<...>*

*Калевала –
былого слепок.
В ней легенда могил звенит.
Наших дней
небывалый эпос
Калевалу собой сменил.*

«Выла волком», «стонали струны», «легенда могил звенит» – гротескные образы, свидетельствующие о хорошей футуристической выучке поэта. С «Калевалой» Сергея Алымова скорее всего познакомил Николай Асеев, который был автором пересказа «Калевалы» для детей, выпущенного издательством «Проталинка» в 1915 г.

Асеев принадлежал архаической ветви русского футуризма. Первое впечатление, вынесенное из детства, – сказки, «цветистость» языка деда. Обращение к фольклору было для поэта естественно. В предисловии к пересказу «Калевалы» поэт объясняет, что «былины собраны были ученым Леннротом в Финляндии <...> Вечный полумрак, покрывающий ее, море, требующее постоянных упорных усилий для борьбы со своим изменчивым нравом, наконец, самая скупость и бедность природы – наложили особый отпечаток на эти былины. <...> Фантазия сочинителей украшает эту бедность и скудость самыми чудесными происшествиями, которые <...> говорят нам о любви этого народа к своей бедной стране, о скромности и большом умении видеть жизнь, движение и радость там, где обычно человеческое око не видит ничего, кроме унылого однообразия». В пересказе Асеев подчеркивает сказочность происходящего, использует ритмичес-

кую интонацию русских волшебных сказок, не перегружает язык сложными метафорами, но в то же время показывает сдержанную образность «Калевалы»: «сыплется дождь как мед сладкий», «радуги перекинули свои семицветные мостки». На материале «Калевалы» поэт-пересказчик понятным и прекрасным языком воспитывает у детского читателя самое необходимое: трудолюбие, мужество, чувство любви к родине, «...здесь в чужой земле – каждая ветка дерется, каждое дерево грозит мне! Лучше дома из башмака пить воду, чем в чужой стране – мед из золотого сосуда!»

Пересказ вышел с черно-белыми иллюстрациями Аксели Галлен-Каллелы. Финского художника М. Горький хотел привлечь к оформлению еще одного издания финских рун, причем не интерпретированных Леннротом, а непосредственно собранных у рунопевцев. К предполагаемому изданию перевод выполнил Г. Гренлунд.

Галлен-Каллела, поддерживая идею перевода, все же отказался иллюстрировать сборник, но предложил Горькому Хуго Симберга.

Но последовавшие события в России не дали Горькому осуществить идею издания финского фольклора с иллюстрациями Хуго Симберга в переводах Гренлунда.

К горьковской идее вернулись в России более чем через десять лет. Финскую эпическую поэзию проиллюстрировали русские художники, представители второго этапа русского авангарда – Мастера аналитического искусства.

Елена Григорьевна СОЙНИ

родилась в Петрозаводске.

Окончила историко-филологический факультет

Петрозаводского госуниверситета.

Доктор филологических наук.

Автор пяти поэтических сборников

и нескольких пьес, шедших в театрах Петрозаводска,

Архангельска, Иваново и Читы.

Занимается переводами с финского и китайского.

Член Союза писателей России.

